

Н.И. ТИМКОВСКИЙ

Г. Тимковский [1], как уже неоднократно отмечалось литературной критикой, принадлежит к числу беллетристов общегуманного направления; он обыкновенно характеризуется, как писатель искренний, правдивый, чуткий ко всем страданиям ближнего, одушевленный теплой любовью ко всем униженным и оскорбленным.

Но перечисленными качествами еще далеко не исчерпывается характеристика таланта г. Тимковского. Правдивость, чуткость, страдание и любовь к ближнему - все эти качества, присущие очень широкому кругу писателей. И сами по себе еще не выделяют г. Тимковского из сонма родственных ему по духу писателей, не дают надлежащего представления о степени оригинальности его таланта. А на самом деле г. Тимковский - писатель, обладающий весьма своеобразным талантом, писатель, идущий далеко впереди большинства тех беллетристов, которые следуют тому же направлению, как и он.

Его оригинальность заключается в особенной тонкости его психологического анализа. В области этого анализа он не прибегает к стереотипным приемам, которые отличают родственных ему по духу писателей: он не ограничивается прямолинейно-простым изображением страданий униженных и оскорбленных или прямолинейно-простым описанием роста всепокоряющего чувства любви и сострадания. Душевный мир лиц, фигурирующих в его рассказах, повестях и драмах, весьма сложен. В изображении страданий или росте альтруистических чувств он вносит весьма много новых элементов.

Его герои - в большинстве случаев представители интеллигентного труда, - изнывающие в чересчур суровой борьбе за существование или подавленные рутинной окружающей обстановки и однообразием жизни, прежде всего нервно больные и душевно раздвоенные люди.

Таков, например, инженер-техник Рубановский в рассказе "Место". Рубановский, имея на руках больную жену и четырех детей, в продолжении двух лет скитается без места и поставлен, благодаря этому, в безвыходное материальное положение. Терпя постоянные неудачи в поисках за куском хлеба, он весь "изнервничался", душевно устал, чувствует себя униженным и загнанным; в его душе шевелятся различные "скверные" чувства; он стал не похож на самого себя.

Рубановскому двадцать семь лет; он высок ростом, сутуловат; все движения его нерешительны; близорукие глаза присматриваются ко всему сквозь очки с какой-то тревожной пытливостью. Одет он с тем страдальческим приличием, которое дается только после долгой, кропотливой починки, вытравливания пятен, ожесточенной чистки и поддерживается лишь благодаря всем мерам предосторожности при движениях. И в лице сквозит та же напряженность, то же стеснение; и здесь надо принимать меры предосторожности, чтобы не выразить улыбкой или взглядом чего-нибудь слишком независимого или уж очень заискивающего. Умные черты перестают быть умными, в серьезных глазах бегают что-то малодушное, улыбка становится болезненной, фальшивой.

Рубановский, сидя в кабинете богатого фабриканта, дожидается решения своей участи: получит, наконец, он место или нет.

Рубановский знал, что у него такой вид, мучился этим. С ожесточением стискивал зубы, и в то же время невольно терялся и съеживался все больше и больше. Он предчувствовал унижение; он знал, что не удержится и сам унизит себя больше, чем это даже нужно. Он как будто забыл, как ходят, говорят и смотрят люди, сознающие собственное достоинство. В нем шевелилось горькое презрение к себе самому, к своей наружности, манерам, занятиям, даже к своей фамилии; но тут же рядом вставало другое чувство: страшной душевной усталости и надорванности. "Все равно, - думал он: - одним унижением больше или меньше, лишь бы потом передохнуть"...

Таков гимназист Сергей Шумов ("Сергей Шумов"). Тяжелая семейная обстановка и душная атмосфера гимназического пансиона, в котором живет Шумов, довели его до того, что, еще будучи учеником седьмого класса, он сделался жертвой сильнейшего нервного расстройства. Его душевная жизнь проходит в лихорадочной смене болезненных, глухих, тревожных настроений. Ему хорошо знакомы ощущения "неопределенного беспокойства, тревоги то глухой, то острой". Его преследуют "беспорядочные, назойливые мысли". Он мучится сознанием своего полнейшего "бессилия": он чувствует "гадость своей жизни". Он начинает "с отвращением" относиться ко всем окружающим его людям, он тяготится жизнью.

"Из-за чего волноваться, надрываться, когда все так гадко и скучно? - думает он... Противно каждый день вставать со скверным настроением, мыкаться с утра до ночи... То и дело неудачи... унижения... и сегодня. И завтра, и всегда... Скука, беспокойство, больные нервы и мертвечина везде, везде".